

В и т а л и й Н а у м е н к о

Б Л Ю

1.

С самого утра чувствую опустошение. Хожу по квартире, включаю и выключаю телевизор — ничего не помогает. Депрессия просто раздавила меня. Она приходит с возрастом, когда ты умнеешь и начинаешь задумываться о будущем. Но будущего не бывает без прошлого, а у меня нет его. Ищу в настоящем.

Я сидел на кухне, когда Яна вышла из душа.

На ней было полотенце с пошлыми микки-маусами.

— Я сейчас не хочу, — сказала она и полезла в холодильник.

— Чего?

— Йогурт. Срочно ласкай меня.

— Если все начнут друг друга ласкать, кто встанет к станку?

— При чем здесь станок? Ты его видел хоть раз?

— Да.

Я разбил яйцо о сковородку и задумался.

— «Мыслитель с яйцом», — иронически заметила Яна.

Она накинула халат и подсела ко мне. Из носа у нее закапало, и она утерлась кухонным полотенцем.

— У тебя нет платка?

— Ты всё равно смотришь на яйцо. Скажи мне, почему, когда люди мыслят, они существуют?

— А как иначе? Представь, ты перестала мыслить — и где тебя потом искать?

Яна перестала хлюпать:

— Как тебе твоя новая начальница? — спросила она.

— Обыкновенная, но с травмой.

— Перелом?

— С душевной! В остальном она мелкая. Мне кажется, она преклоняется перед продюсером.

— Я бы на твоём месте тоже перед ним преклонялась. Ты сколько без работы сидел?

— Месяц.

— Месяц,— повторила Яна и стала разглядывать себя в зеркале.— А я год.

— Ты и сейчас нигде не работаешь,— заметил я.

— Это неважно.

Я стал намазывать маслом хлеб. Я подумал, что моя проблема только в одном — я слишком привлекателен для женщин, и ничего не могу с этим поделать. Если отказаться от них совсем, депрессия только удвоится. А Яна хотя бы отвлекает своими дурацкими вопросами. Или, может быть, поменять Яну?

2.

По утрам хорошо думается. Еще хорошо думается во время ходьбы. Однажды во время прогулки ко мне подъехала юная шатенка. Она была на велосипеде и молча катила рядом.

— Вы шлем потеряли,— наконец сказал я.

— Какое у вас красивое имя,— ответила она.

— Но мы даже незнакомы.

Она пожала плечами:

— Когда люди обсуждают имена, это уже знакомство! Меня зовут Яна.

Я часто задумывался, зачем люди живут вместе, ведь они только мешают друг другу. Всё вокруг кипит, орёт. Твою мысль, только родившуюся, уже рвут на части. «Сумочка не гармонирует, она агрессивная, а я милая — тебе не кажется?»

Яна появилась, когда мои дела шли прекрасно, и они тут же пошли прахом. Во-первых, я не мог выносить вида дивана, потому что мы не вылезали из него. Во-вторых, я потерял внутренний покой. А в-третьих, она поставила себе целью ревновать меня ко всему на свете.

Однажды зимой я возвращался домой и увидел Яну. Она хлестала по лицу варежкой девочку-подростка.

— В чем дело? — вмешался я.

— Сколько тебе лет!!!

Это она спросила девочку.

— Пятнадцать,— ответила та.— Только по лицу не бейте, а то надо мной в школе смеяться будут.

— Пятнадцать? А зовут?

— Наташа.

Мне не оставалось ничего другого, как обратиться к Яне:

— Ты бьешь ее за то, что ей пятнадцать лет и она Наташа? Понимаю, многим не нравятся определенные имена и цифры, но это не повод для экзекуций. Только гуманизм двигает нашу планету вперед.

Яна чуть отступила:

— Ты знаешь этого дяденьку? — спросила она.

— Знаю.

— Ах, так!

Я заслонила ребенка:

— Это дочь Петра Владимировича!

«Наташка, подросла-то как. Время летит», — это я сказал про себя.

После этого случая я уволился из конторы и впал в депрессию. Я не хотел обвинять Яну, тем более что она продолжала в том же духе. Мне хотелось разобраться в себе.

3.

Гендиректор Таисия бегала по офису с красными от недосыпа глазами. Увидев меня, она тут же вцепилась в мой пиджак и стала что-то оттирать на лацкане. Потом она затащила меня в кабинет и посадила за ноутбук.

— Вы же копирайтер?

— Да.

— Пишите, я диктую.

— Но я копирайтер!

— А я гендиректор. Вы хотите со мной переспать? — неожиданно спросила она. — Нет, не то... Пишите! «Я, певица Даная».

— Кому дана я? — Это я сказал как бы про себя.

— Знаете что, Максим Арнольдович! Кому дана, тому и дана. Не нам с вами разбираться. Это райдер ко дню ее рождения.

Следующие полчаса я писал райдер, а гендиректор пила кофе и что-то на себе беспрестанно поправляла.

— Извините, но почему вы так развязно одеты? — спросил я.

— Я с детства так одеваюсь, — охотно ответила она. — Я ставлю будильник на семь, а встаю в одиннадцать. Вы думаете, у меня лег-

кая профессия? Один певец вообще заставлял нас крутить сальто на турнике. А от кого это коньяком пахнет?

— От вас.

— Да, многие пьют кофе с коньяком...— задумалась Таисия.

Она подошла к зеркалу и стала рассматривать себя.

— Как вы считаете, в чем привлекательность женщины?

— Не знаю,— ответил я,— но думаю, что в подъеме ноги.

— Да? Тогда ладно. Ну, пишите. Творите! «Дана я вам» и все такое. Вы это умеете.

4.

Чтобы поскорее заснуть, мы с Яной часто смотрим порнуху. Звуки там монотонные и действуют усыпляюще.

— Ты с ней уже переспал? — спросила сквозь сон Яна.— Она же твоя новая начальница... Рассказывай в подробностях... пожалуйста... хотя можешь приукрасить немного... А пока ты не начал, вот тебе, кобель!

Она очнулась и принялась лупить меня женскими журналами (надо сказать, они довольно тяжелые).

— Я тебя импотентом сделаю! — лупила Яна.— И буду издеваться над тобой. Вот так встану, а ты не сможешь.

Я пожал плечами:

— Вот, послушай. Нормально? «Дана я всем и никому, но пламя — сердцу твоему»...

— Поэт-песенник? Собрал вещи и вон с квартиры.

— Но это моя квартира,— заметил я.

— Моя квартира, моя баба, мой мишка, с которым я сплю...— загибала она пальцы.— Собственник! А суп, который ты жрешь, тоже твой?

— У меня завтра презентация! — взмолился я.— Давай спать.

Я надел на голову подушку, но Яна не унималась. Потом она бросилась целоваться. Это довольно странное ощущение, потому что она целуется не как обычные люди, а как будто хочет меня съесть. Я очень боялся этих ее непредсказуемых случаев самовыражения.

Наконец мое терпение иссякло:

— Ты можешь помолчать? Я хочу знать, что сказал Родриго.

Я кивнул на телевизор.

— Что тебя надо гнать с черту.

Я хладнокровно подошел к холодильнику и налил кефир.

— О! Кефир! — взбеленилась она. — Налей, налей. Это помогает думать, если ходить туда-сюда. Ты правда хочешь, чтобы я ушла? — Яна схватила моего мишку и зарыдала. — Лучше бы ты бросил меня с балкона.

Я действительно стал ходить туда-сюда с кефиром:

— Оставь моего мишку в покое, — сказал я. — Я рос одиноким ребенком, это мой единственный друг.

— А вот на! — Она схватила ножницы и вспорола мишке живот. Я остолбенел от ужаса, но потом сообразил, что его можно зашить. Я отобрал у нее мишку и спрятал.

5.

— Это не влезает ни в какие рамки! — вопила Таисия в трубку. Я стоял на остановке на окраине Москвы. Дул холодный ветер, и снег бешено крутился.

— Что? — задыхался я. — Как не влезает? Все форматы оговорены.

— Меня уже назвали курвой на пенсии! Вы где?

Ко мне подошла девушка с синим носом:

— Лотерейные билеты не хотите купить? — спросила она.

— Нет. Это я не вам!

— А надо, — угрожающе сказала она.

— Я с плакатами и жду маршрутку, — я продолжал орать в телефон.

— Вы должны быть два часа как уже!

— В конце концов! — Тут я тоже рассердился. — Я два часа ждал эти чертовы плакаты! Даная она или нет, но заказывайте мне такси! А не орите таким плаксивым голосом.

— Максим Арнольдович! Мы ждем вас! Как Бога!

— Я замерз и жду маршрутку!

— Так вы берете? — Это спросила девушка с синим носом.

— Попрыгайте!

— А может, мне поплавать? Нет! (это я ответил девушке). Все-таки я работник умственного труда.

- Секретарша Света сказала, что вы ей понравились!
- Какие секретарши в такую погоду! Закажите мне такси! Немедленно!

6.

Гендиректор была вдвое меньше меня ростом, но я чувствовал, что она ищет способ, как убить меня.

— Это что? — спросила Таисия.

— Плакаты.

— А что я вам поручала?

— Чтобы все члены коллектива были в одежде одинакового цвета, раздать им значки с надписью «Блю» и забрать плакаты. И скотч, — добавил я.

— Наш цвет одежды — это смесь нежно-розового с нежно-голубым. А это что? — и она приложилась пятерней к заднице в джинсах. Это была наша сотрудница, она стояла на стремянке и подвешивала растяжку над входом. Она решила, что ее облапал какой-то мужик, стала отмахиваться и влепила мне по лицу.

— Что вы привезли?

— Плакаты. — Я потер щеку.

— А вы их видели?

— Они же упакованы.

Таисия развернула плакат. На нем было написано «Надая» и «Человека два — человек один». Я приготовился к самому страшному.

— Какая еще за «Надая»? — В гневе Таисия здорово переменялась в лице. — У нас не колхозная вечеринка!

— «Надая» это еще ничего, — я стал размышлять вслух, — это как игра в ассоциации. «Нагая», например. Или: «На, да, я». С другой стороны, тут слитно. А вот второй фразы я тоже не понимаю. Сколько человек будет в сумме? Дизайнеру пистон надо вставить.

— Это вам пистон надо вставить, Максим Арнольдович. Это строчка из заглавной песни. Она требует работы мысли. Это стон одиночества.

Она вздохнула:

— Ладно, будем развешивать эти. Полезайте на «Кадиллак» и приклейте вот это на стекло. Тут, слава богу, все правильно.

Я хотел было решительно сопротивляться, но меня стали захихивать на машину в несколько рук, а Таисия бегала вокруг и руководила процессом. Тогда я обмотался баннером и лег на капот. Я понял, насколько одинок в этом многонаселенном мире скорби и равнодушия.

7.

Я сидел в холле и пил коньяк. Приезжали гости, все это были эстрадные звезды. Их встречала Таисия. Меня беспокоило только одно: почему не звонит Яна и почему она отключила телефон.

«Да нет, — думал я вслух, — не такая Яна дура, чтобы покончить с собой из-за какой-то Данай. Женская логика! Но в чем она состоит? Хорошо бы разобраться».

Но тут ко мне подсел Марк «Пылесос», известный телеведущий.

— Макс, — представился я.

— Марк, — представился он и тут же в ужасе отшатнулся.

— Вы не певец?

— Ни в коем случае.

— Я заметил, что вы разговариваете сами с собой. Мир моды? Я угадал? Что с вами?

В толпе девочек, подававших бутерброды, я заметил одну, очень похожую на Яну, но в парике блондинки.

— Вас что-то напугало, — обрадовался «Пылесос», — так расскажите мне. Нам не хватает сюжетов для психоаналитических программ.

Но тут его окружили поклонницы:

— А это ваша настоящая фамилия? — спрашивали они. — Вы так манерно говорите — это специально?

Я покинул их круг и устремился за блондинкой. Сходство было невероятным, но ведь Яна никак не могла оказаться здесь. Я ей ничего не говорил, даже не намекал.

Я догнал ее и отступил. Блондинка резко повернулась:

— Не желаете?

8.

— Не желает.— Меня развернула к себе Таисия. Она сделала это с таким странным звуком, как будто у меня воспламенились ботинки.

— Где вы? — выпалила она.— Вас «Пылесос» обыскался. Он меня замучил. Вы же новый человек в коллективе. Давайте, вливайтесь, осваивайтесь.

— Знаете что,— не вытерпел я,— Таисия Леонидовна! Никуда вливаться не собираюсь, я не ручей и даже не речушка. Я хожу в ваших корпоративных цветах, что вам еще? Если вы думаете, что вы надо мной *такая* начальница, так я сейчас же уволюсь.

— Не уволитесь.

— Почему?

Я был искренне удивлен.

— Потому что я отдаю под ваше попечение двух молодых людей. Они уже давно в коллективе. В отличие от вас, кстати. Один — кларнет, шикарный и душераздирающий, второй — балалайка. Нужно найти им столик.

Так я остался с кларнетом и балалайкой. Это были типичные выпускники провинциальной музыкальной школы. Они с удивлением смотрели друг на друга и на меня — как вдруг со сцены запела Даная. Мы как по команде повернули головы:

*Я не знаю, за что эта пытка.
За ошибкой — ошибка, ошибка.
Среди сотни мужчин
Я искала тебя.
Но выходит... Блондин.
Ты не муж мне, а сын.
Человека два, человек — один.
Одиночество давит грудь...
Позабудь.*

— Дикий набор слов,— сказал «балалайка».

— Ну, нет.— «Кларнет» был против.— Это же вы написали? — обратился он ко мне.— Я отчетливо слышу здесь страдания многое повидавшей женщины. Но эта ее последняя реплика «Позабудь» — словно начало нового дня.

Я нервно огляделся:

— Нет, не я. Кстати, вы не видели тут такую блондинку? С подносом?

«Балалайка» расхохотался:

— Блондинки, брюнетки... Жизнь состоит не из этого, мой друг. Я вот народник, и горжусь этим. Среди народников нет альфонсов. Все спят по возрастным категориям.

Я заметался, но меня спас «Пылесос».

— Труженики тыла? Пойдем за наш столик. Можешь не представляться, все уже знают, кто ты!

— Кто?

— Тот, кому хотят разбить сердце на куски рафинада.

9.

Когда мы сели за столик, на нас налетела Таисия:

— Вы должны быть в гримерке!

— Почему вы обижаете мальчиков? — Это возмутился «Пылесос».

— Может быть, гримерка это условное слово, — поддакивала ему какая-то шатенка. — Вы кто вообще?

Гендиректор задохнулась:

— Я? Нет, это *ты* кто?

— Это Ивонна, — ответил мужчина со странно расфокусированным взглядом. Он приобнял ее и потупился.

Таисия побледнела. Она знала, что без мужа Ивонны ничего *этого* бы не было. Она извинилась и страшно зашептала нашей троице:

— Немедленно переходите на другое место, иначе вы не друзья мне, а предатели. А лучше сидите в гримерке.

«Балалайка» и «кларнет» тут же исчезли и за столом остались: разговорчивая Ивонна с неразговорчивым спутником, две представительницы фармацевтической компании, «Пылесос» и я. Наконец-то завязалась по-настоящему светская беседа. И всё было бы прекрасно, если бы к нам периодически не подходили странные типы. Они усаживались за столик и молчаливо пялились на меня. Я начинал понимать, куда попал.

10.

Скажу честно, если на тебя уставились восемь мужчин — это ощущение не из приятных. «Как это терпят женщины?» — подумал я.

— Я постоянно даю интервью, — сбил меня с мысли «Пылесос». — Когда все время даешь интервью, сложно придумывать новые ответы. А я это умею. Вот спросите меня о чем-нибудь.

— Какую фармацевтическую компанию вы предпочитаете? Это спросила одна из «болеутоляющих» девочек.

— Так! Встала и вышла отсюда!

Девочка захлопала глазами.

— А-ха-ха! — засмеялся «Пылесос». — Смешно, правда?

Наливая мне коньяк, Ивонна чувствительно задела меня грудью. Я загрустил.

— Ощущение боли — вот что я испытывал на съемках этой передачи, — продолжал «Пылесос». — Передо мной проходят не люди, но семьи.

Я почувствовал на спине ненавидящий взгляд Таиси.

— Славик! — обратился «Пылесос» к юноше за нашим столиком. — Подумай о материнских чувствах! Об отце, если он еще жив и не спился! Подумай о дедушке, который прошел Берлин и Сталинград!

Славик был еще мальчик, и что-то его сильно мучило, обида, наверное. Ивонна подливала ему шампанское, а он бросал взгляды на старого мужика, который довольно задорно выпивал и закусывал за соседним столиком.

Слово взяла Ивонна:

— В этот прекрасный день презентации диска нашей любимой Данаи, — Ивонна изящно поправила сумочку, — за праздничным столом, где все веселятся...

Приглашенные с удивлением посмотрели на нее и выпили по дежурной водке.

— Это еще не тост, — предупредила Ивонна. — Потому что за столом есть люди, которые не поддерживают беседу. Не будьте такими мрачными!

Люди стали оборачиваться, а «Пылесос» продолжал трещать.

— Я имею в виду Славика,— разрешила загадку Ивонна.— Славик! Уйдет обида, вернется радость пушкинских сказок. Верь!

Я опять обратил внимание на блондинку, расхаживающую между столиков. Нет, это не Яна. Она бы столько не продержалась. И вообще, как можно устроиться на такую работу за один день?

Ивонна обошла стол и села ко мне на колени:

— Есть у нас и свой Мистер Икс,— пропела она.— Человек, погруженный в себя, в свои мысли. Человек, который пока не произнес ни слова. Давайте заставим выпить его со мной на брудершафт.

Ивонна налила мне водки и поднялась.

— *“Эдема влагу пил, дыханьем роз обвеян...”*

— Он уже и так пьяный в хлам,— вставил кто-то.

Но мы не слышали, мы всю целовались.

— Да это же Макс! — очнулся «Пылесос». — А-ха-ха! Максик, пью за тебя, за Ивонну! Ты — голубой, она — розовая, вы клево смотрите. А Славик просто по натуре сложный. Если ты умный — ты не должен знать об этом! А теперь тост: давайте отражаться в зеркалах.

Он обвел рюмкой зал:

— Некоторые не отражаются.

11.

Все лучшие мысли приходят в туалете, если это, конечно, не туалет Киевского вокзала. Туалет, где я очутился, был отделан в духе купеческих бань. Дерево, зеркала, мрамор... А я все никак не мог прийти в себя от объятий и поцелуев Ивонны. Я был возбужден и даже приготовился отбить ее. Но тогда меня уничтожит Таисия, размышлял я. Ивонна — спутница организатора всего этого мероприятия. Тебя уволят без вариантов. Кстати, где Яна? Здесь или дома?

Я задумался: я ведь ничего о ней не знаю. Вдруг у нее есть сестра-близнец? Тогда она меня сдаст. С другой стороны, Яна не сможет прожить без меня. Для чего ей тогда подсылать шпиона? Неужели, чтобы меня отравить?

В туалет вошел все тот же старый корявый мужик. Мы стояли примерно минуту, не говоря ни слова. Потом вошел Славик. «Не верь ему,— шепотом крикнул Славик — он бросит тебя». И тут же скрылся в одной из кабинок.

— Он прав, пацан, — согласился мужик. — Никогда не западай на таких, как я.

Я сел на скамейку, отдирая от себя остатки баннера Данаи.

И тут вошла Яна. Она была уже без парика.

— Я вся размазанная? — деловито спросила она и уткнулась в зеркало.

— Местами.

Я даже не удивился, я просто решил ни о чем спрашивать.

— Ты меня узнал?

— Не знаю.

— Что значит «не знаю»? Узнал или нет? Тебе вообще интересно, как я сюда проникла? Ты не думал, что я переспала для этого с охранником? Или мы совсем не ревнуем? Ласкай меня, ну же.

Это она сказала приказным тоном.

— Только тебя здесь не хватало, — мрачно ответил я.

— Меня что, сдала Светка? Пойду убью ее.

Она погрозила кулаком в зеркало.

— Знаешь, что она мне о тебе рассказывала? Что ты мужчина ее мечты и что во сне она с тобой постоянно трахается, причем в тумане.

— В тумане?

В этот момент в туалет вошли Таисия и Ивонна. Гендиректор встала в сторонке, а Ивонна подсела и обняла меня. Духи ее пахли невыносимо приторно, и я постепенно начинал терять спокойствие. Ивонна все больше казалась мне идеалом женщины. Она правильно целовалась, правильно сидела, правильно клала руку на шею и правильно прикасалась ею к моим волосами.

— Продюсеру понравился вечер и в особенности работа креативной группы, — сказала замогильным голосом Таисия.

Я хотел было ответить, но Ивонна так крепко обвилась вокруг меня, что я забывал, что хотел сказать. Мысли, не успев возгореться, гасли, как мокрые спички. Теперь Ивонна гладила меня везде.

— Ивонна Эдуардовна, — начала Таисия, — вы извините, что я так невежливо разговаривала с вами, но ваш спутник — это наш инвестор, а с Максимом Арнольдовичем мы были когда-то расписаны.

Она сделала паузу.

— Давайте у меня, а? — неожиданно предложила она. — Там хотя бы отдельная комната. Здесь все-таки некомфортно.

— Я не могу у вас, Таисия Леонидовна — выдавил я, — там слишком многое напоминает о прошлом. И вообще, не следует смешивать работу и личную жизнь, это может сказаться на микроклимате. Что я скажу Петеньке?

— Что ты ему не отец.

— А чей он? — Я оттолкнул Ивонну и вскочил. — Эммануила Соломоновича? Этого ничтожного писаки?

— Он только по паспорту его, а так твой. Весь, — зачем-то добавила Таисия.

Я успокоился и сел, и Ивонна снова стала оплетать меня, как ядовитый плющ. Я знал, что это смертельно, и желал именно такой долгой-долгой смерти.

— Я его любовница, — сказала между поцелуями Ивонна. — И сама богатая. У меня «Мазерати» и бутик в Подольске.

Это она прошептала уже мне.

Тут пришла очередь Яны. Она грохнулась на пол и забилась в припадке.

— Мелодрама «любовь копирайтера»! — кричала она. — Ха-ха-ха! Нет уж, давайте подеритесь из-за него! А я посмотрю! Давайте! А! Да тут и драться-то не за что! Он только думает, что думает, а сам думает только о том, когда можно не думать! Ха-ха-ха!

12.

Из кабинки вышел Славик, по его руке струилась кровь. Он прислонился к стене и зарыдал.

— Нужна перевязка, — засуетилась Таисия.

Ивонна выпростала из-под меня ногу и сняла чулок.

— В одном лучше, — сказала она. — Пусть кожа дышит.

— Но он же дорогой, — Таисия была в нерешительности.

Чулок был ослепительным. Правда, еще ослепительнее была нога Ивонны.

— А разве Славик дешевый?

— Не приближайтесь! — закричал Славик. — Моя бритва затупилась, но я все равно не умру. Я убью его.

Яна, прижавшись к локте, заинтересовалась:

— Но как?

— Восемь ножевых ранений. Столько раз я был с ним. А уж потом я покончу с собой. И не ищите мое тело! — предупредил он.

— Вообще? — Это спросила Ивонна.

— Я завещаю вам дневники нашей любви и тогда вы поймете, как изысканно тонок и бесчеловечно груб был со мной этот мерзавец.

Таисия, будто всю жизнь этим и занималась, бинтовала ему руку. Славик продолжал говорить:

— Я слышал ваш разговор. Говорят, что женщины — это жестокие твари. Говорят, что не стоит связываться с ними, они причиняют невыносимые муки за короткие минуты наслаждения. С мужчинами не так.

— А что это за чулок? — вставила Яна.

— Это из новой коллекции, — ответила Ивонна, обвивая меня голый ногой, а другой демонстрируя Яне чулок. — Что вы волнуетесь? Для нас он как девочка, — продолжала она. — Можно о женском поболтать. Кто вы по гороскопу?

— Мужчины, — заступился Славик, — это совсем другое. Они подчас суровы и жестоки, но они не дразнят, не заигрывают. Не притворяются в любви. Они просто берут силой и подчиняют себе. Что вы еще от меня хотите? — Весь перевязанный, он сполз на пол и заплакал.

— Интересно, — сказала Яна.

Она вернулась в образ официантки.

Ивонна погладила меня:

— Я сейчас без чулка и никому не скажу, куда он делся. Я вообще не сентиментальная.

— Берите мой, — Яна снова вышла из образа, — а меня бросьте на полу голый. Пусть придут грубые мужчины и все такое.

— Наш продюсер — это наша путеводная звезда, а без чулка начнутся вопросы. — Это сказала Таисия, она уже стягивала с Яны чулок. — Ты смотри, какая нога у нее толстая. Может, с пятки?

Она обернулась ко мне.

— Я копирайтер! — предупредил я.

На Яну нашел приступ смеха. Она беспрерывно хохотала, а Славик, наоборот, рыдал, размазывая кровь и сопли. Таисия стягивала с Яны чулок, чтобы надеть на Ивонну, та извивалась на мне, как плющ, а мужик стоял у зеркала и равнодушно поправлял галстук. Я тоже посмотрел в зеркало. В том, как всё причудливо переме-

шалось, я почувствовал чудесную справедливость огромного мира. Я стал думать, что мир, чем удивительнее он и неправдоподобней, тем больше похож на правду, и что...

Но тут дверь открылась и в туалет вошла Даная.

